

НАШИ ДАТЫ

28 февраля 1989 года
Олжасом Сулейменовым
создано Международное
антиядерное движение
«Невада – Семипалатинск».
Трагедии казахского народа,
пережившего смертоносные
испытания на полигоне,
посвящена поэма известного
казахского поэта, литературоведа
Б. Жакыпа. И автор, и переводчик
Н. Чернова – уроженцы
многострадальной земли Семей.

Бауржан ЖАКЫП

ГОЛОСА ШЫНГЫСТАУ

(поэма)

Перевод с казахского Надежды Черновой

Трепещет и шепчется между собою листва
 На древе могучем, и зеленью блещет трава –
 Так много её, так густа, что земли не видать...

Абай

Аркат, Дегелен, Хан-Орда, Кундызды –
 Степные жемчужины, отблеск звезды...

Касым Аманжолов

Здравствуй, родина отцов – Абыралы,
 Нынче ты – многострадальный край Земли...

Толужан Исмайылов

* * *

Был подобен райским кущам
 край степной.

Шынгыстау, Абыралы –
 мой край родной.

«Где же счастье твоё прежнее,
 скажи мне,
 Благородство, мирный свет
 над головой?»

Шынгыстау, Абыралы –
 мой край родной,
 Гордость наша – как гордились
 мы тобой!

Где зеркальные озёра, где волненья
 Серебристых волн?

Где отблеск голубой?
 Горечь в сердце – горе горькое

мне пить.
 На душе печаль – её не исцелить.

Где быстрин неукротимые разливы?
 Где зелёные луга? Где тропок нить?

Скалы гордые твои и горы где?
 И танцующие ивы твои где?

Незабвенная краса вечерних красок,
 Золотые блики зорьки на воде?

Солнца утреннего зори твои где?
 Миражей твоих волшебных сказки

где?

Не парит осенний, медленный туман.
Редкий гость – короткий дождь.
Пастуший стан
Не видал уже давно кормящей влаги.
Обмелел былой Кусак, зачах Шиган.

Я – стоял! Луна ласкала по ночам,
Солнца луч давал сияние очам.
Называли прежде гордою горою –
Я вершинами стремился к небесам!

Я – стоял! Я вдаль глядел из-под руки.
Были плечи богатырские крепки!
А теперь я говорю о том с печалью,
Вспоминая те счастливые деньки.

Ты не веришь человеку – верь Земле,
Ветру верь – он отыскал ростки
в золе,

Обласкал простор степи
многострадальной.
Вспоминая бор сосновый, золотой,
Головою Дегелен поник седой.
Кто утешит меня в горести печальной?
Только здесь до неба таволга росла.
Степь моя – одна такая ты была
И считалась в этом мире уникальной!

Неподвижен Дегелена
мёртвый склон –
Не осталось даже камня тех времён...

1949. 29 августа

Да, в этот год, и в этот месяц, в этот день
Падёт на степь, как чёрный ворон, злая тень.
Да, в этот день, и в этот месяц, в этот год
Печали время беспощадное придёт.

Я – Человек!
Я – старожил земли степной.
Я слышал грохот – раскололся шар земной.
Я – Человек!
Мне не забыть тот миг вовек!
С тех страшных пор я стал глухой, я стал немой.

Как появился гриб гигантский в небесах,
То охватил просторы наши дикий страх.
Всегда спокойная, дрожала степь моя,
И убегали звери в дальние края.

Я не видал ещё такого никогда:
В колодцах наших стыла мёртвая вода.
Всё превратилось в ад!
Пожары и зола...
Скотина дохлая в долинах полегла.

Огонь беснуется, сжигает всё живьём.
В бору сосновом тьма ночная даже днём –
Всё черным дымом занесло, заволокло,
И страх в сердцах, и на Земле лютует Зло.

И даже камни здесь горели, как дрова.
До горизонта гарь – сгоревшая трава.
Кто в небо огненное, красное взглянул –
Тот вмиг ослеп, в того вошёл подземный гул.

Да, в этот день, и в этот месяц, в этот год
Народ трагедию времён переживёт.
Не исцелить уже вовеки эту рану,
Никто из павших никогда не оживёт!

Могилой стал для многих жертв мой мирный дом,
А те, кто выжил – стал калекой в доме том.
Цветущий луг – теперь пустыня. Нет нигде
Зелёных трав, зелёных бликов на воде.

Повсюду царствует один лишь серый цвет.
Не слышно птиц, и ничего живого нет.

Зола и трупы... Будто степью проходил,
Карая сущих, ангел смерти Азраил.
Сгорела неба синева, где птичий рай,
И превратился в крематорий скорбный край.

Так враг напал – без объявления войны.
А как назвать его? Казнил он без вины.

Я – сын степи!
Я – Человек, попавший в плен!
Я понял вдруг, что превратился в чёрный тлен,
Что стал золой, что оборвалась с жизнью связь –
И буря страшная над степью пронеслась!

Смешались небо и земля. Мой мир погиб.
Рос гриб зловещий, разрастался чёрный гриб.
Чтобы Степи остановить предсмертный хрип,
Неужто гений, хоть один, да не найдётся
В огромном мире?
Смерть ликует и смеётся!

Святое Солнце и Луна – их лики дымны.
Они свидетели невиданной картины
И очевидцы преступлений человека –
На склоне лета, в середине страшной века...

Голос Природы

Стонала Степь. Природа корчилась от боли:
«Никто меня не мучил так, не жёг дотоле,
Видала Каменный я век и век Железный,
Но не ходила никогда по краю бездны...

О, защитите меня, предки-аруахи!
О, пощадите и не дайте сгинуть в прахе!
Уж сорок лет пожар тот ядерный пылает,
И страх, и горе мою плоть испепеляет!

Нет красоты былой – уродливою стала,
И не узнать меня – поблекла я, устала.
Но неужели же никто на целом свете
Мою печаль, моё несчастье не заметит?

Судьба и время не подвластны нам, живущим.
Всевышний правит человеком и всем сущим.
Станицы птичьи унеслись в чужие дали,
И даже змеи от меня теперь сбежали.

Стою над миром оголённою скалою.
Всех потеряла, кто когда-то был со мною.
Великий страх табун сайги нещадно гонит –
И нет конца его охотничьей погоне.

Я одинока. В вечных отсветах пожара
Ни одного не пробегает здесь архара.

Я без одежд. Окутал дым нагое тело.
Отравлен воздух. В луже солнце помертвело.
Всё радиацией убито неминуемой,
И дождь отравленный на землю сеют тучи.

О, мой Всевышний, велики Твои законы!
Никто не слышит мои плачи, мои стоны.
Я и сама уже не слышу и не вижу:
Глуха, слепа, и тяжело теперь мне выжить...

Грех человеческий мою землю выжигает,
По следу предков, по дорогам их шагает.
Я – бездыханна под его пятою злою.
Я – умираю. Стала углем и золою.

Пусть мир подлунный плач мой горестный услышит,
Мою печаль – печалью Степь живёт и дышит.
Жестокий век и человек в грехе бесовском
Холмы могильные возвёл в краю отцовском.

Как много их в моей обители печальной...
Золой я стала, но полна любви начальной.
Ей, старцы-горы, вас зову на ас прощальный,
Сойдёмся вместе для молитвы поминальной!..»

Последнее Слово высохшего Леса

Я изменился – и меня не узнать.
Теперь не я стою, а высохший Лес.
Под звон берёзовой листвы

Не просыпаться – умер я, я исчез...

По жилам кровь моя живая текла.
Я был счастливым,
был красой этих мест.
Мой плач послушай,
ведь сгорел я дотла,

И пожалей!
Теперь я высохший Лес...

Я был живым. Я – Лес,
я – певческий Бор.
Теперь пустыня пролегла до небес.
И превратилась моя плоть
в чёрный сор.

Смотри!
Я высохший теперь, мёртвый Лес...

От человека – этот грех, этот страх,
Когда над духом его властвует бес.
Я был красой в степных,
цветущих краях –
Теперь я гарь, теперь я высохший
Лес...

Был я джигит, был я красив –
нынче труп.

Гордилась степь –
я шёл в зелёную даль.

От человека смерть моя –
как он глуп,

От человека – и беда, и печаль.

Я был счастливым в золотые года,
Я наслаждался
дружным пением птиц;

Язык зверей я знал, и даже вода
Мне отзывалась из звенящих криниц.

Я обнимал весь мир, в объятьях моих
Я согревал всех трепетавших,
живых,

И брали дети горсти ягод лесных,
Но все ушли – и не дозваться мне их...

В зелёных кронах моих ветер гостил –
И чистый воздух приносил он сюда,
И краски солнца рассыпал из горсти –
Сияли кроны, и сияла вода.

Как только вечер –
ждали звери Луну:
Когда протянет свой магический луч.
Берёза белая ждала тишину –
И пела песню. Был мой вечер певуч.

И танцевали мои сосны, и вслед,
Под звёзд мерцание, вели хоровод

Речные ивы, тополя...
Много лет
Встречал я с ними и закат, и восход.

Без перебора, без конца, день и ночь
Мне пели речки, хор осин и берёз.
И улетали беды-горести прочь,
И только радость, только радость –
до слёз!

От стройных сосен –
даль лесная светла,
А уж берёз – не сосчитать,
выйдя в путь!
И драгоценным ожерельем легла
Смородин чёрных красота мне
на грудь.

Шиповник алый –
серьги мне подарил,

А земляника –
в перстень камень-коралл.
Как будто конкурс красоты я судил –
У сцены озера лесного стоял.

Недолго радостная длилась пора...
Она осталась лишь в мечтаньях
людей.

И лист осины извела не жара,
А яд змеиный смертоносных дождей.

Пожухли, сморщились
смородин кусты,
И в редких ягодах – отравы и яд.
Мой благодатный край, отныне пусты
Твои просторы – там погибель и ад.

Зола чернеет. В небе меркнет звезда.
И лучик солнца жёлтым ядом налит,
И ядовита ключевая вода,
И даже воздух над землёй ядовит.

И вот тогда узнал впервые я стыд,
Когда поруганы и совесть, и честь.
Земля родная под ногами горит,
Сгоревших трав, берёз сгоревших
не счастье!

Не увидеть уже полынных морей –
Был терпким запахом напоен рассвет.
Остался голым я в пустыне моей...
С тех пор я болен, и спасения нет.

Но кто недуг смертельный мой
замечал?
Я долго плакал, долго мучился я.
Неизлечима моя горечь-печаль –
И с ядом плоть моя и память моя.

Печаль Степи

Я – Степь!
Я – долина-дала,
Плачу ивами.
Меня с миром беда развела –
Выжгла взрывами.

И озёра, и реки молчат.
Им всё грезится:
Гуси-лебеди снова летят
В блеске месяца...

Я – Степь!
Нет ни былки в логу.
Обессилела,
Даже плакать уже не могу –
Слёзы вылила.

Без деревьев осталась в лесах –
Взрывы выдрали.
Я в золу превратилась и в прах –
Счастье выкрали.

Человек, что предался греху,
Землю вымучил,
Превратил меня в сор и труху,
Горе вынянчил.

С кем поплачу и с кем разделю
Горечь вечную?
Я устала, я слёзы коплю –
Больше нечего...

Плачет волк, плачет в поле сайгак –
Племя вольное.
К взрывам мы не привыкнем никак.
Тело – в шрамах,
В глазах моих – мрак,
В песнях – боль моя...

Мука – в тучах моих дождевых,
В тополях и полынях степных.
Бомбой мечена,

Был величав я – не осталось следа
От моей гордости, от славы былой.
Так повелел Всевышний, чтоб навсегда
Стал мертвецом я,
безнадёжной золой...

Я смотрю на страдания их –
Изувечена.

Никого не могу я спасти...
Просыпается жизнь из горсти.
Ядовиты и воды, и пастбища,
И лесок умирающий стих.

Степь я – не погребённый мертвец.
Есть ли нашим страданьям конец?
Он сорвался с цепи, покусал нас
Атом-пёс, озверевший вконец!

Плоть моя – в страшных ранах,
больна.
Полюбуйтесь, звезда и Луна!
Нет живого местечка на теле,
Нет защиты – в беде я одна.

Счастье было – семь красок его,
Не осталось теперь ничего.
Серый цвет.
Безнадёжность.
Усталость.
Нет живых. Нет вокруг никого.

Нет ни крови, ни соков во мне.
Ядом травы цветут по весне.
Стала красная таволга – серой.
Рыба – мёртвой на высохшем дне.

Среди наших смертельных ночей
Вижу много печальных очей.
Никому не желаю на свете
Стать добычею палачей!

Обезлюдели наши двory,
Во дворах не слышать детворы.
Уезжают, бегут поселяне –
Каждый день!
Гаснут жизни костры...

Как прожить им, отравленным, тут?
И они без оглядки бегут.

Где смеялись и пели аулы –
Скорбных кладбищ могилы растут.

Не сдержат даже диких зверей –
Убегают они поскорей!
Только ветер гудит неустанный
Средь моих опустевших полей.

Нет авто. Жизнь в Степи не шумит.
Конь понурился. Всадник молчит.
Лишь военных машин вереница
По дорогам пустынным пылит.

Соловей не поёт. Он поник.
Старика одинокого лик
Потемнел. Ритмы траурных песен
На кобызе играет старик.

Я тоскую в пустыне земной,
И от прежнего счастья со мной

Только скорбное сердце осталось.
Я слаба, как ребёнок больной.

Даже тёплый и ласковый дождь
Вызывает простудную дрожь.
Человек, одержимый грехами,
На Адама давно не похож.

Жизнь былая с сегодняшней –
врозь:
Не похожи – уж так повелось.
Всё вокруг поменялось местами:
В зиму – оттепель, но холодами
Лето нас продувает насквозь.

Страшных бед и страданий
не счастье!
Сходят люди с ума в наши дни.
О, Всевышний мой, если Ты есть,
Помоги мне, из ада верни!

Печаль высохшей Реки

Верни мне прежнюю весну и половодье рек.
Верни мне рыб, верни волну, верни счастливый век!
О, мой Всевышний, пожалей Адамовых сынов,
Прости их, грешных, и верни любовь, и жизнь, и кров.

Мне от печали и тоски так хочется кричать,
Чтоб голос высохшей Реки слышали опять.
Тогда бегущая вода, услышав голос мой,
Вернётся, может быть, сюда, воротится домой!

Хочу, чтоб веткой меджунтал опять меня обнял –
Так, как Меджнун свою Лейли когда-то обнимал.
На волнах ветра, на волнах хмелеющей весны
Качнулись чайки б в вышине, сорвались с вышины.
Как символ вод моих святых, надежд моих залог...
Верни мне птиц, верни мне их, мой милосердный Бог!

Пусть вновь, как было тьму веков, всё это повторится:
У камышовых берегов свивали гнёзда птицы,
И диких уток хоровод, и нежные утята
Кружили вновь по глади вод, резвились, как когда-то.

Косули осторожный шаг по травам – к водопою.
Лишь солнца луч прорежет мрак над дымною рекою,
Ребят аульных табунок рыбачил бы с рассвета.
Не позабыть речной поток, не позабыть мне лето.

И если высохну я вновь – то это уж навеки!
Не возвратится в жилы кровь, не отворятся веки.

Пора одуматься тебе, стоящему над прахом,
Безумный, грешный человек, покинутый Аллахом!

Ни с чем вернулись рыбаки – зря целый день старались.
Созвездье Рыб и Млечный путь когда-то отражались
В речной воде, в зеркальной мгле, сияющей веками,
А нынче русло у меня завалено камнями.

И сохнут травы поутру, и стала степь такыром.
Все знают: это не к добру – витает сушь над миром!
О, Боже! Что ж Ты не глядишь, как чахну я и старюсь?
Последней каплею Иртыш я напоить пытаюсь.

Иссушен лик мой, страшен он. Где красота былая?
Я плачу – и летит мой стон ввысь, к небесам взывая.
Вновь пламя – Дьявола игра на атомной поляне.
Пора одуматься, пора, безумные земляне!

Плач Ветра

Я томлюсь тоской...
Горный пик святой,
Я соскучился по тебе.
Страшный гром. Удар.
Охватил пожар
Нашу степь и наделал бед.
О, скажи, Аллах, что же делать мне?
Не могу я найти ответ...

Я летел, свистел,
Я, как зверь, зверел,
Как в безумии человек.
Я стремился ввысь,
Чтоб избыть печаль,
Но везде был со мной злой век!

Так куда лечу?
Что найти хочу?
Кто на горе смотрит моё?!
Мои муки для,
Небо и Земля
Жгут меня, будто я былё.

Я меж ними рос,
Только Атом-пёс
Укусил меня, разорвал.
Слёзы лил я, выл,
Голову разбил
О валун, что в пыли лежал.
И взбесился я,

И смирился я,
Что меня никому не жаль...

Тут увидел вдруг
Я озёрный круг –
Очень странное озерцо:
В нём жила беда –
Мёртвая вода,
И нельзя в нём омыть лицо.

Нет вчерашних гор.
Лес исчез и бор.
Снится прежняя благодать.
И рыдаю я,
И страдаю я,
Что нельзя мне их увидеть...

Где любовь-река,
Что так глубока? –
В русле камень да суходол.
Луг искал среди гор,
И зелёный бор –
Только смерть я одну нашёл...

Я любил весь мир,
Но теперь я сир,
Я калека среди калек.
Истончал, как нить...
Если хочешь жить,
Так очнись же, эй, человек!

Могила на Жидебае. Слово Абая

*«Всевышний, путь мне освети!
Я Словом стал в моём пути,
И люди слушают меня –
Я путь к сердцам сумел найти...»*

Вот Шынгыстау передо мной
Печальной высится горой.
В зимовке скука, маета,
И мало стало там скота,
И эхо взрывов над землёй
Пронзило холм могильный мой.

Не думал я, что род людской
Накроет гибельной тоской –
От горя станет он печальным.
И как лежать спокойно мне
В моём великом, вечном сне
Под серым камнем погребальным,
Когда такая страсть вокруг?
Покоя нет. Мертвеет луг.
Леса горят. В дыму Луна.
Земля – черна. Земля – больна.

Как изменился человек!
Не стало больше светлых рек;
Балашакпак и Ботакан –
Холмы и горы в язвах ран:
И лучших пастбищ нет средь гор;
Куда девался красный бор?
Леса, шумевшие листвою,
Красой ласкающие взор?
На Жидебае нынче нет
Травы «жиде».
Чудесный цвет
Нас веселил весной и летом,
И не встречает здесь рассвет
Степь, вдохновлявшая поэта.

Как в праздник, кошмами украшен,
Где наш аул, где юрты наши?

Белели кошмы, будто снег,
И как кумыс, что лился в чаши.
Не слышно голоса домбры,
Степных симфоний той поры –
Айтысов славных не осталось.
Куда всё это подевалось?
И зреет в чреве у горы
Бомб смертоносных злое пламя.
Раздастся взрыва грозный рык –
Родится гриб. Взойдёт над нами!

О, Боже, нет покоя мне
В моей растерзанной стране.
Очнись, о, степь моя родная!
Здесь в первый раз я по весне
Влюбился – и открылись мне
Небес магические своды.
Здесь стал отцом. Детей поднял.
Душистым ветром Сарыжал
Ласкал и в старческие годы.

Я слушал пение реки
И песни из Сарыарки.
Асан-Кайгы, не знавший лени,
Добрался к нам через пески.
Искал он всюду рай земной,
И вот его верблюду святой
Здесь опустил на колени!
И здесь возвысились душой
Мой Алшынбай, мой Кунанбай;
Нысан-Абызу отчий край
Дарил здесь мудрость откровений.

Всяк в мир для радости был зван!
Здесь род Аргын и род Найман
Веками жили безмятежно.
Очнись, родной мой, древний стан
Под сенью юрты белоснежной!
Родная степь моя, очнись!
И Мать-Земля, и Неба высь
Пускай с тобой очнутся тоже.
Молюсь о том, и ты молись!

Возле горы Мыржык. Мелодии Таттимбета

Я – Таттимбет!
Во мне мелодии степей!
Я – превратился в звуки музыки моей.
Перед народом на домбре моей певучей
Играл о радости и о блаженстве дней.

Я был Аргын – моей земли великий сын!
И в праздник-той я превратить умел один
В любом ауле каждый день и каждый вечер.
Под мои песни танцевал суровый кречет,
Я даже тучи разгонял среди долин –
Они сбегали, слыша струн гортанный крик!
О, ты, гора моя родная, мой Мыржык,
Тобой гордилась степь, и я тобой гордился –
Воспел в симфониях я каждый горный пик!

Кюй «Саржайляу», как и кюй «Сарыозек» –
Они останутся в степи моей навек.
Я по заветам предков жил, им подражая,
В моих мелодиях – звучанье чистых рек,
И пенье трав, и шум верблюжьего курая.
Будил я утром и степной, и горный мир
Звучаньем песен, что сзывали всех на пир,
А в час вечерний ублажал народ уставший
Мой новый кюй – душа степная – «Салканыр».

Аул уснувший просыпался на заре
От звуков кюя молодого «Бес торе».
Дух боевой домбра в походах поднимала:
И кюй «Айдос», и «Алшагыр»,
И на домбре
Кюй «Сылкылдак»,
Кюй «Былкылдак»
Гремел над боем,
И помогал я победить батырам-воям!

Когда исполнил «Косбасар» в былые лета,
Сам «белый царь» медаль пожаловал за это.
Не знал я в жизни передышки ни мгновенья!
В кюй «Азына» поймал я ветра дуновенье.
Не знаю как, но в звуках музыки нежданно
Мне день грядущий показало Провиденье.

Я видел выпитые, высохшие реки;
Простор без трав, в полях погибшие побеги;
Мне чёрный червь,
Мне страшный червь во тьме явился –
Пожрал он степь, в жусане белом и кокпеке.

Народ я видел, что измучен был недугом.
Рыдал мой кюй о чёрном облаке над лугом,
Над светлым краем, над озёрной красотой,
Где убегало всё, гонимое испугом.

Я видел женщину. Дитё она качала –
Уродца-сына. Буря жаркая крепчала.
Смертельный ветер жёг в округе всё живое,
Ни человека, ни травы не различая.

**Джайляу Танат.
Мелодии песен Амре**

Я – песня степей,
Я – Амре!
Гармонией звуков я жил.
От листьев осин на заре
Брал музыку – песни сложил.

Дыхание трепетных крыл,
Мелодии яростных рек
Я струнами чутко ловил:
Стал песнею, я – человек!

Я – лепет озёрной волны,
Я – птица в степных небесах,
Я – нежные звуки весны,
Я – музыка в ваших сердцах.

Народы в пределах любых
Счастливей от песен моих!

Мне кажется, жизнь на Земле
Из песен одних состоит,
Из ритмов в космической мгле.
Когда я пою, то со мной
Вселенная говорит!

Не я, а душа здесь поёт,
И слушает песню народ,
И степь необъятная дышит
И музыкой этой живёт.

С небесной мелодией в лад
Рождал мои песни Танат,
Потом они мчались по свету –
Везде: на восход и закат.

Все чувства мои – без границ.
На крыльях кочующих птиц
Полмира они облетели.
Нет песням на свете преград.
И вот – Шынгыстау им рад,
И струны домбры зазвенели!

В мой кюй перелился Иртыш –
Проснулась дремавшая тишь,
Дошла моя песнь до Семей!
И вновь, вдохновеньем дыша,
Я голосом пел Иртыша,
От музыки этой хмелея!

Я – утро,
Я – песнь соловья!
Домбра вас разбудит моя.
Когда мои струны гремели –
Грозою и ливнем был я!

Везде моей песней горды!
На ярмарке в Коянды
Народ забывал о товарах;
Мой голос сквозь степь долетал
До самой Москвы, и звучал
В Ташкенте, на шумных базарах.

Мой голос летел за Иртыш,
За степь и за дальний предел.
Восторгом взорвался Париж,
Как «Балкадишу» я запел!

Я славу узнал и почёт.
Я счастлив был. Жил я в добре.
Я – песня!
Я – вольный Амре!
Я умер, но песня живёт.

Покой мой и вечный мой сон
Однажды прервал Полигон.
Оборваны струны, но ловят
Земли умирающей стон.

Я снова вернулся сюда,
Где счастлив я был, но теперь
Повсюду и страх, и беда,
И слёзы от многих потерь.
Нет радости прежней, народ
К гибели Дьявол ведёт.

Талант – это чуткость струны.
Мелодиям – мысли даны.
Я сквозь ликование Жизни
Услышал и скорби страны:
Грядущих страданий громы,
В обугленных травах холмы,
И с юга пылающий ветер,
И высверки взрывов из тьмы.

Нет музыки больше нигде.
Берёзы молчат, и в воде
Молчит одинокая утка.

Не слышится лая собак,
Плетётся архар кое-как,
Хромает.
Над скалами мрак,
И страшно в округе, и жутко.

Повсюду и пепел, и смрад.
О, как прекратить этот ад,
Прийти к благодати начальной?
Аллах, пожалей мой народ!
Амре о печали поёт,
Вернулся я с песней печальной...

Борли. Голос Мухтара Ауэзова

О, прекрасный мой, песенный край!
Красок столько – хоть все выбирай.
Пробуждаешь ты звуки,
Виденья,
Голоса,
Дней счастливых мгновенья,
Век минувший,
Великих труды...

Вот идёт Айгерим из Орды –
Её песням внимает округа;
Вот влюблённые – вместе навек –
На Уйтасе Енлик и Кебек
В смертный миг обнимают друг друга.

С Акшоки дует ветер, и он
Звучным голосом снова пронзён –
Кунанбай в степь тревожную вышел.
Об Оспане ли горестный стон?
Или это дыханье времён
Я в стенающем ветре услышал?

Много тайн и загадок хранит
На Шынгысе холодный гранит,
Скалы в жёсткой траве терпеливой.
Туйсоркеш. Моё сердце живит
Звон серёжек Тогжан шаловливой.

Жидебай. Спит пастушеский стан.
Колыбельная песня Улжан
Степь качает – от края до края;
Сказки бабушки мудрой Зере;
Строки первых стихов на заре –
Всё пронизано духом Абая!

Здесь давно упокоен поэт.
Не считает веков он и лет.
Ночь темна. Стерегут её горы.
Всё спокойно – закат и рассвет.

Две реки – Ащысу и Шаган
Поят корни цветущих полян
И поют о просторах польнных;

А берёзы в Шынгысских горах,
Как красавицы в наших степях –
Стать их в сказах воспета былинных.

Жив Абай. Он идёт сквозь века.
Оживает поэта строка –
И к счастливому времени тропы
Его мудрое Слово торит –
И над долами коршун парит,
И летят по степи антилопы,
И гнездятся на скалах орлы,
И архары весною смелы –
Соревнуются с ветром летучим;
На джайляу – табун лошадей,
И кормилицы наших степей –
И коровы, и козы.

Как тучи,
Они бродят в лугах дотемна...
Обновляет просторы весна!

Зеленеют и злак, и быльё.
Шынгыстау – так имя твоё!
Тебя видел Создатель наш Раем,
Для Добра ты задуман таким.
О, святой Шынгыстау! Храним
Своим сыном великим – Абаем.
Всё, что ты за века накопил,
В его Слово святое вложил –
Всяк язык его Слову внимает!
Вслед за ними и Муза моя,
Восхищения не тая,
Через годы его вспоминает.
Его образ воспела она,
И с тех пор – его жизнью полна –
Вместе с гением не умирает.

Стал я прахом. Истлел и Абай.
Неужели священный мой край,
Дар бесценный отдавший поэту,
Нынче память отнял у сынов?
Красота и величие Слов
Не нужны им?

Их гонит по свету,
Как шары пересохшей травы...
Взрыв гремит. Не поднять головы.
Даже мёртвые корчатся в дрожи.
И наступит ли время опять,

Караултобе. Слово Олжаса Сулейменова

В Шынгыстау есть один мазар...
Он продут холодными ветрами,
Он исколот жёлтыми цветами,
И бредут к нему и млад, и стар,
Скорбью безнадёжною убиты...
Там цветы мертвы и ядовиты.
Там витает над холмами страх.
Нет зелёных трав, долин зелёных.
Только жёлтый цвет и жёлтый прах
Покрывают и луга, и склоны.
В Шынгыстау есть один мазар...

Призван я сберечь и защитит
Отчий край прославленных поэтов!
Не прервётся между нами нить,
Что была в ладонях Махамбета!

И за то, что родину берёг,
Враг поэту голову отсёк...

Мы за землю предков постоим –
Храбрый дух нам от отцов достался.
Здесь творил Абай и Шакарим,
Хан Теке с врагами здесь сражался.

В нём горел свободы гордый пыл –
Он за это обезглавлен был...

Таттимбета землю не предаю,
И певца Амре я не отдам
Тёмному беспамятству столетий.
До скончанья жизни, до конца
За батыра встану и певца.
Взрываю – нет! За Землю я в ответе!

Встанем вместе и воздвигнем щит!
Пусть Земля вовеки не горит,
Зеленеют листья на осине.
Мы богаты гениями – пусть
Не затмится Солнце в небе синем!

Когда гениев станут читать,
Станет дух грешной плоти дороже?

Верю я, это время придёт,
И вернётся к Абаю народ!

Голос мальчика, выросшего на Полигоне

Я – мальчик-плата, мальчик-кун.
Я – память ранних детских лет.
И сколько б ни сменилось лун,
Но крепче памяти той нет!

Вот игры детства – асыки,
И слёзы – если проиграл.
Те незабвенные деньки.
Тот жёлтый, глиняный дувал.
Вот ноги в ранах – босиком
Я обегал колючий дол.
Вот диких пчёл гудящий дом –
Я не боялся диких пчёл.
Я был отчаянный батыр –
Так говорили все друзья,
И тот, мальчишеский мой мир,
Нередко вспоминаю я...

Был забияка и шалун –
Ух, сколько было юных сил!
Я – мальчик-плата, мальчик-кун:
Бес-Полигон меня сгубил!
Он шёл за мною, словно тень,
Шёл через вехи и года.
Недуг смертельный, грустный день
Не отпускали никогда...

Клубникой спелой полон рот –
Не знал, что яд в ней, а не мёд.
Я брал смородину в горах.
Я – жил!
Витал я в облаках!
Я жил!
А смерть со всех сторон
Уж дула в чёрную дуду,
Но только счастья детский сон
Ту пересиливал беду!

Плач младенца с Полигона

Я – кладбище!
 Я – детская могила!
 Невинное дитя... Мечом огня
 За что, Аллах, ты покарал меня?
 И молоком не мать меня вскормила,
 А грудь земли кладбищенской...
 Ни дня
 Мне не прожить, и не узнать мне
 лета,
 Восторг любви, свиданий
 до рассвета,
 Когда в степи играют миражи...
 Зачем лишил всего? – Я жду ответа!
 Скажи, Всевышний! Человек –
 скажи!

Дух ягодный не приносил я в дом;
 Не мать меня поила молоком,
 А сырь-земля слезой меня поила,
 А сырь-земля – печальная могила
 Набила рот мне глиной и песком.

Моя судьба – печальница моя.
 Моя судьба – рыдальница моя.
 Упал в ладони Горя-повитухи,
 Родился!
 И – младенцем умер я...

Слово Листьев

Мы – листья крон!
 Мы – их зелёный наряд!
 Нас кормят корни – лес подземный
 и сад.
 Сплелись корнями все деревья
 Планеты,
 Чтоб в сеть поймать бесовский
 ядерный ад,
 Чтоб не пустить его на Землю,
 к живым,
 Чтоб купол прочный воздвигался
 над ним!

Мы – листья крон!
 Как люди, звери, быльё,
 Мы – часть природы,
 Мы – основа её!
 Мы – кровеносные сосуды
 Вселенной:
 Не станет нас – погаснет
 жизнь-бытиё.

Исчезнут листья – опустеет Земля.
 Умрут деревья – корни тоже умрут.
 Берёзы, сосны и в степи тополя
 Взывают к людям:
 «Страшен атомный джгут!»

Будь проклят он!
 Будь проклят ядерный гон!
 Будь проклят взрыв,
 И проклят будь Полигон!

